

# Философия развивающей гармонии как принцип оправдания основ медицинской антропологии

*Видгоф В.М.*

## Philosophy of developing harmony as a principle approving the bases of medical anthropology

*Vidgof V.M.*

*Томский государственный университет, г. Томск*

© Видгоф В.М.

В статье раскрывается методологический потенциал системного принципа развивающей гармонии в оправдание основ медицинской антропологии.

**Ключевые слова:** развивающая гармония, основы медицинской антропологии.

The article reveals the methodological potential of system principle of developing harmony used to approve the bases of medical anthropology.

**Key words:** developing harmony, the bases of medical anthropology.

**УДК 613.94:572**

Однажды мне довелось принять участие во всероссийской научно-практической конференции, проводимой Российским научным центром «Восстановительная травматология и ортопедия» им. акад. Г.А. Илизарова Росздрава в г. Кургане. Обсуждались вопросы лучевой диагностики в травматологии, ортопедии и смежных дисциплинах. Мне была предоставлена честь выступить с гостевой лекцией на тему «Философия развивающей гармонии и красоты как объяснительный принцип основ мироздания и человеческой жизнедеятельности».

Сразу отмечу, что выступление перед столь высокой профессиональной медицинской аудиторией, конечно же, почетно. Но для меня, не врача, а философа, задача эта оказалась непростой. Не скрою, спровоцировала идею моего выступления стенная газета, которая висела у входа в кабинет академика Г.А. Илизарова. Газета называлась «Возвращенная гармония». Я подумал, как точно подмечено! Ведь должно быть главным в медицине не столько исцеление телесного субстрата человека, сколько самого человека, целостная самодостаточность которого выражается гармонией мер природного и социально-духовного. Если это действительно так, то целостный подход, который

исповедует философия, должен стать методологическим основанием для теоретической и практикующей медицины. В такой позиции я не чувствовал себя оригинальным, ибо знал, что отношения между философией и медициной всегда находились и находятся в режиме взаимодополнительности, поскольку предмет у них един — человек и его здоровье. Различие лишь в подходах. Философия рассуждает на уровне универсальных понятий, медицина — на уровне предметно-конкретных. Медицина говорит о здоровье конкретных людей, и в частности о состоянии жизнедеятельности человеческого организма; философия рассуждает на уровне человека вообще, и понятие «человеческая жизнедеятельность» философию интересует в универсальном аспекте, т.е. когда цель как образ того, что надо сделать, освящается смыслом — во имя чего достигать цели и выбирать средства.

Однако надо признать, что на практике принцип единства и взаимодополнительности интересов между медициной и философией еще не обрел полной сопричастности. Отношения здесь часто страдают спонтанностью и узковедомственными амбициями, хотя

обе дисциплины искренне веруют в силу целостного подхода и принципа «не навреди».

Чтобы не впасть в эти «страдания», я хотел бы просить читателя настроиться на двойную «игру»: данный материал соотносить с известным общечеловеческим и профессионально-медицинским опытом.

Греческое слово «гармония» означает упорядочивающий характер объективных связей бытия (однородность, симметрия и соразмерность и т.д. частей, составляющих внутреннюю жизнь единого целого). В античной мифологии мы находим много интересных наблюдений в выявлении природы этого феномена, которые в последующие эпохи получили свое совершенствование и развитие. Так, в гомеровской мифологии гармония выступает то неотделимо от вещей, то отделимо, в качестве определенного физического феномена или морального принципа, то в виде социально-политической или даже космической целесообразности; или же гармония обнаруживается в утилитарном виде, не отличимом от вещей бытового характера или принципов производственно-практической деятельности, красоты и борьбы, любви и войны.

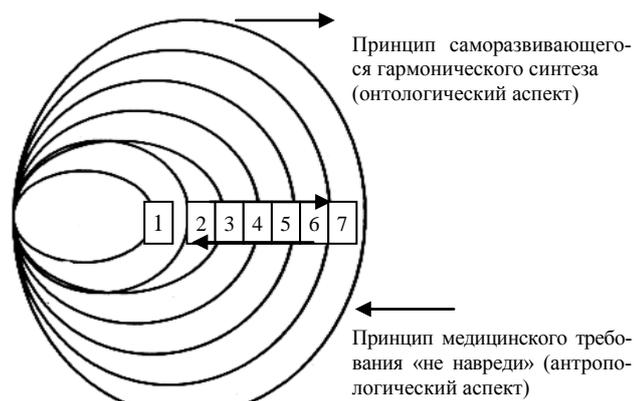
Другой миф, который отражает, хотя и в негативной форме, представления древних греков о гармонии, миф о хаосе. Хаос в комедии Аристофана «Птицы» изображается как одно из космических первоначал (образы Ночи, черного Эреба, бездонно сияющего Тартара), из которых возникает бытие всего сущего. Это первоначало характеризуется как нечто, не имеющее никакого качества, никакой определенности, но представляющее собой некоторую пустоту, бесформенность, распыленность, беспорядок. В дальнейшем мы увидим, какое важное значение имеет понимание хаоса как проявления дисгармонии в постижении глубинного смысла гармонии самой по себе. Обращая внимание на этот момент, любопытно заметить, что в «Одиссее» Гомера древнегреческий термин «гармония» уподобляется русскому слову «гвозди». Казалось бы, какая здесь связь? Оказывается, самая непосредственная. Слово «гвоздь» в русском языке имеет разные значения. Во-первых, гвозди — это строительный материал. Во-вторых, это скрепы или сцепы разных фрагментов. В-третьих, гвоздь в переносном, метафорическом значении обозначает суть, главное, изюминку чего-либо. В этом третьем, глубинном, смысле гвоздь выступает не только средством, но и целью, достигая которую человек обрел спо-

собность творить гармонию и целого. Благодаря такому пониманию человек проник в тайну точки и структурной жизни бытия как целостности.

Особое значение для истории изучения гармонии имеют античные представления пифагорейской школы. Пифагорейцы выдвинули мысль о гармоническом устройстве всего мира, включая не только природу и человека, но и весь космос. Об этом свидетельствуют суждения Филолая, утверждающего, что гармония представляет собой внутреннюю связь вещей и явлений в природе, без которой космос не смог бы существовать. В частности, гармония означает единство предела и беспредельного. И потому гармония составляет структуру всех вещей. Но гармония лежит не только в основе всех вещей. Душа тоже есть гармония, считает Филолай. Пифагорейцы были диалектиками. Им принадлежит определение гармонии как единства противоположностей. Если бы все вещи были подобны и не отличались друг от друга, то не было бы необходимости в гармонии, которая осуществляет единство разнообразного и противоположного. Гармония в понимании пифагорейцев характеризуется такими качествами, как истина, красота и симметрия.

Наконец, и это, пожалуй, наиболее характерно для пифагорейского учения, гармония у них имеет числовое выражение, она органически связана с понятием числа. Пифагорейцы создали учение о созидательной сущности числа. Они считали математические начала началами всего существующего и уподобляли все вещи числам. Применяя учение о числе к конструкции бытия, пифагорейцы получили пластичную картину гармонично устроенного космоса. Числовая гармония стала универсальной методологией, объясняющей жизнь космических сфер на макро- и микроуровнях. Заслуга пифагорейцев перед мировой наукой состояла в том, что они пытались дать не только числовое, математическое измерение Вселенной и гармонии, но и саму гармонию представить как число. Современная наука подтверждает эту идею. Гармония действительно число, ибо взятая в чистом виде она не сообщает нам о фрагментах, которые между собой соизмеряются. Она становится как бы нейтральным по отношению к ним. Однако смысл математической характеристики гармонии несет в себе скрытый подтекст, который все-таки указывает на некоторую ее качественную определенность. Но эта определенность иного поряд-

ка, она не сводится к какой-либо совокупности образовавших ее фрагментов. Она носит автономный и всеохватный характер по отношению к ним, выполняя роль системного свойства, тотального целого без частей. Такая логика внутренней жизни гармонии наглядно может быть представлена в виде эйлеровых кругов (см. рисунок)



Диалектика онтологического и антропологического принципов развития

Учитывая все сказанное, можно полагать, что греки определяли гармонию как точку совпадения разного в едином, которая, обретая свою меру, стала способной выступать установкой на культуру, ориентирующую осмысленную организацию мирочеловеческих отношений с позиции глубинной и органически упорядоченной цельности. К такому пониманию гармонии приблизился Гераклит. Его учение о гармонии отличается от пифагорейской школы, где диалектика понималась формально и схематично. Гармония Гераклита создается не числами и не смешением отдельных частей тела. Она представляет вещь в ее целостности и диалектическом тождестве с другими вещами. Гераклит онтологически подходит к объяснению гармонии, считая ее присущей всему объективному миру вещей и космосу. Она присуща даже искусству. Не случайно лучше всего гармонию космоса иллюстрирует у Гераклита образ музыкальной лиры, в которой различные натянутые струны создают великолепное созвучие.

Но эстетика Гераклита не сводится только к онтологическому пониманию гармонии. Категория гармонии обладает у Гераклита и ценностным значением, в ней присутствует элемент оценки. Особенно ярко это выражено в учении о двух видах гармонии: скрытой и явной.

Наиболее содержательной, а следовательно, эстетически ценной является скрытая гармония. «Скрытая гармония, — считал Гераклит, — сильнее явной».

Космос как высшая и совершенная красота представляет собой скрытую гармонию. И только на первый взгляд, по мнению Гераклита, мир представляется хаосом — «кучей сору, рассыпанного наудачу». На самом деле за игрой стихий и случайностей скрывается «прекраснейшая гармония». В этой гармонии Гераклит выделяет свои ступени красоты, определенную шкалу ценностей: «Мудрейший из людей по сравнению с богом кажется обезьяной и по мудрости, и по красоте, и во всем прочем». С другой стороны: «Самая прекрасная обезьяна безобразна по сравнению с родом людей». Таким образом, красота богов, красота человека и красота животных представляют собой три различные ступени гармонии, которые оцениваются совершенно различно.

Продолжая мысль Гераклита, Платон замечает, что эстетические формы гармонии могут проявляться не только в небе и настроенности души, но и в области нравственной жизни человека. Платон называет гармонией целомудрие и справедливость, поскольку гармония есть равновесие всех трех добродетелей. Гармонией является вообще всякая добродетель, так как она характеризует гармонически настроенного человека. Гармония невидима, бессмертна, прекрасна и божественна, считал Платон.

Целый ряд новых моментов в античное учение о гармонии, которые, вероятно, могут стать философским оправданием медицинской антропологии, внес ученик Платона Аристотель.

В противоположность числовой и формальной гармонии пифагорейцев он развивает содержательное понимание гармонии. Аристотель тесно сближает понятия гармонии и порядка. В трактате «Физика» он говорит, что эти понятия, по сути дела, одно и то же. «И нет никакой разницы, говорим ли мы о ладе, или порядке, или о составе; очевидно, что рассуждение (во всех этих случаях) одно и то же; но ведь подобным образом возникают и дом, и статуя, и любое прочее; а именно дом возникает из предметов, которые были сложены, но каким-то образом разделены, а статуя и любой другой оформленный предмет — из бесформенного состояния; и каждый из этих предметов представляет какой-то порядок или соединение». В философии Аристотеля содержится глубокая мысль о том,

что гармония представляет собой диалектику, взаимный переход порядка и беспорядка. «Необходимо, — замечает Аристотель, — чтобы все сложное возникло из несложного и несложное из сложного и чтобы сложное исчезало в несложное, притом не в любой случайной, а в противоположной».

Гармония предполагает наличие симметрии и соразмерности частей. «Живописец не позволил бы себе, чтобы у изображаемой им фигуры нога вышла больше, чем сколько позволяет симметрия, хотя бы и через это она выигрывала в красоте. Равным образом строитель корабля не сделает руль или другую какую-либо часть корабля в чрезмерно большем виде. Точно также управитель хора не допустит, чтобы голос, который превосходит весь хор своею силою и изяществом, раздавался в хоре сильнее остальных». Причем эту симметрию Аристотель понимает не чисто количественно, как это делали пифагорейцы, а как качественный принцип. «Так, тело человека, — пишет ученый, — слагаясь из различных членов, должно увеличиваться во всех них пропорционально, чтобы сохранилась между ними соразмерность, потому что в противном случае, например, ноги будут в четыре локтя, а остальное тело только в две пяди, и тогда соразмерность тела может пропасть; а увеличиваясь пропорционально, не только количественно, но и качественно, тело может принять совершенно новую форму». Но главным и специфическим для его философии было понятие середины. Это понятие Аристотель разрабатывает чрезвычайно широко, применяя его абсолютно к любой области человеческой деятельности. Так, добродетель мужества представляет собой некоторую середину между двумя крайностями: трусостью и гневностью, щедрость — между скупостью и расточительностью. Середина по Аристотелю означает нечто среднее между избытком и недостатком и в этом смысле представляет собой совершенство. Здесь Аристотель оправдывает главный принцип античности: «Знай меру! Соблюдай ее во всем! Ничего слишком!» Аристотель различает два вида середины: середину по отношению к предмету и середину по отношению к нам. «Под серединой самого предмета, — замечает философ, — я разумею то, что равно отстоит от обоих концов, и она всегда одна и притом одна и та же во всех предметах. Серединой же по отношению к нам я называю то, что не дает ни излишка, ни недостатка, и эта середина не одна и не одна и та же для

всех». Если отнести это понимание середины к понятию гармонии, то мы имеем дело с различием двух типов гармонии: с гармонией как простой арифметической пропорцией и гармонией как внутренней мерой предмета. Аристотель отдавал предпочтение второму типу гармонии и именно его связывал с понятием совершенства и красоты.

Резюмируя, хотелось бы подчеркнуть, что эпоха античности подарила миру основные идеи, раскрывающие сущность понятия гармонии как универсальной категории, объясняющей объективные основания и фундаментальные принципы развития Вселенной, социума и мышления. Все последующие исторические эпохи в постижении тайн гармонии и красоты представляют собой своеобразную модификацию античных представлений.

Наука XX столетия на естественно-физической, социокультурной и философско-эстетической основе рассмотрела вопрос всеобщей упорядоченности мира, человека, произведений его рук.

Было доказано, что универсальность гармонии в том, что она обнаруживает свои признаки на разных уровнях развития мироздания — естественно-научном, социокультурном и духовном.

Жизнь гармонии — это жизнь «мгновенной» вечности. До сих пор в нашем сознании существует средневековая инерция объяснять вечность и мгновение как разорванные во времени. Вместе с тем это так и не так. «Согласно одной из современных космогонических теорий, — пишет С. Вайман, — Вселенная возникла в результате Большого взрыва: ее как бы мгновенно изрыгнула некая иррачастица. Если это действительно так, то можно предположить: принцип мгновенного возникновения универсума из космической частицы действует как всеобщий методологический принцип бытия. Вселенная «явилась на свет» не в нынешнем ее виде, но как некоторая праструктура, то ли уже вещество, то ли еще энергия, — система, обладающая даром бесконечного саморасширения (саморазвития, самодифференциаций). Система эта — целое, опередившее свои части. Независимо от объема, целое — пространственный аналог мгновения, оно не может восприниматься по частно. Соответственно, ничего, кроме целого, во Вселенной нет; то, что мы обычно, повинувшись бытовому автоматизму, именуем частью, — это целое в модусе части.

Таким образом, пространство как целое — мгновенно, то есть в любой своей точке оно хранит потенциал Большого взрыва» [5].

Сохраняя логику этого методологического принципа, можно говорить о внутренней, структурной жизни точки в целостном цикле развивающейся гармонии. Именно так поступает бельгийский философ Жан Дандриер, когда выделяет семь уровней эволюционной самодифференциации Вселенной.

1. Первый уровень заполнен физическим временем, точное представление о котором дает современное естествознание. Это самое элементарное время, оно как бы лежит в основе всех других типов.

2. За ним следует время жизни, воспринимаемое главным образом в его эволюционном аспекте. На этом уровне можно говорить об эволюционном времени.

3. В дальнейшей точке эволюции появляются сложнейшие нервные системы и, соответственно, форма времени, которую можно назвать нейронным (или неврологическим) временем. Отличительные черты этой формы описывает нейрофизиология.

4. С появлением человека возникает психологическое время, связанное с поведением личности.

5. Затем — историческое время, связанное с жизнью общества, цивилизацией и культурой.

6. Но человек ощущает натиск времени и стремится убежать от него. Для людей это основополагающая проблема, играющая важнейшую роль в зарождении идеи спасения души и потому тесно связанная с религиозным аспектом существования.

7. Категория спасения души — одна из главных в антропологии. Время, рассматриваемое с точки зрения этой категории, обретает специфическую форму, которую можно было бы назвать сотериологическим временем, характерным для человеческой жизнедеятельности [5].

Все эти уровни развивающейся гармонии находятся в отношении взаимодополнительности и определяют разные грани единого целого, имя которому — мироздание.

В этой же схеме стрелками обозначена структура двух измерений данной гармонической цельности — онтологической (движение от 1 к 7) и антропологической, принцип медицинского требования «не навреди» (движение от 7 к 1). Диалектику этих движений можно выразить формулой «движения вверх по лестнице, идущей вниз». Этой формулой показано, что жизнь —

это единовременный процесс рождения, становления и умирания.

В свою очередь, французский философ Поль Рикёр, прослеживая особенности временной жизни развивающейся гармонии как целостности, выделяет четыре аспекта в этом процессе:

1. Хронологическое время задает ось, по отношению к которой возможно движение в двух направлениях: от прошлого к настоящему, от настоящего к прошлому

ПРОШЛОЕ  $\longleftrightarrow$  НАСТОЯЩЕЕ

Наша собственная жизнь — часть тех событий, на которые мы оглядываемся или которое ожидаем... Прошлое — это историческое время, настоящее — индивидуальное.

2. Структура настоящего — это жизнь самого отношения, в котором присутствуют недавнее прошлое и зародыш близкого будущего (как память и ностальгия, с одной стороны, и как планы и надежды — с другой). В настоящем концентрация прошлого в пространстве жизни пересекается с развертыванием будущего в горизонте ожидания.

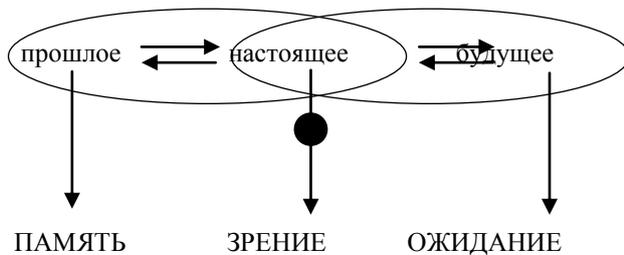
3. Обмен информацией между прошлым и будущим только тогда плодотворен, когда настоящее само по себе обладает силой инициативы.

4. Эта тройная структура — горизонт ожидания, пространство жизни и инициатива — проживается в точке настоящего времени, обнаруживается как единство памяти, зрения и ожидания.

Блаженный Августин в свое время писал в своей «исповеди» о времени как порождении триединого состояния настоящего. Настоящее прошедшего, говорил он, — это память. Настоящее настоящего — зрение, настоящее, уразумеющее будущее, — это ожидание. Поэтому самодостаточность точки настоящего — это миг, где решение проблемы, с которой сталкивается человек, происходит посредством воспоминания о будущем с учетом изменения обстоятельств жизни [5].

Учитывая все вышесказанное, можно сформулировать общеполитическое определение гармонии, коррелятивное шиллеровскому толкованию понятия красоты. Гармония есть *предмет* для нас и *состояние* нашего субъекта; она *форма* — потому что мы ее созерцаем, она *число* — потому что целостность ее постигаем как упорядоченную связь, образующую меру эталона лю-

бого измерения; она *ценность* — потому что мы ее оцениваем и хотим; она *смысл* — потому что для нас она главный идеал и критерий; она жизнь настоящего — потому что она наше переживание и деяние, память, зрение и ожидание. Структура данного определения наглядно представлена в следующей схеме:



В заключение выделим некоторые методологические суждения мыслителей, ориентирующих организацию человеческой жизнедеятельности по законам гармонии и красоты. Один из основателей философской антропологии Макс Шелер [7] риторически вопрошает: «Как было возможно, что это (предчеловек — *V.V.*) уже почти приговоренное к смерти существо, это больное, отставшее, страдающее животное с установкой на боязливое закутывание, защиту своих плохо приспособленных, чрезмерно ранимых органов нашло спасение в принципе человечности, а тем самым — в цивилизации и культуре?» Понятно, что этот вопрос не столько медицинский, сколько социальный. Ибо речь идет о здоровье человека, о выживании человека в мире.

Человечество всегда находилось в поисках конкретных ответов на поставленный Шелером вопрос.

Немецко-американский философ Э. Фромм, выявляя причину страдания становящегося человека, находит способ его спасения в обретении свободы. В своей работе «Сущность человека, его способность к добру и злу» он ставит вопрос, критически осмысляя библейский источник: «Не является ли первородный грех Адама и Евы — непослушание Богу — шагом к Свободе?» И иронически отвечает следующим образом: «По-видимому, их непослушание *входило в предначертания* Всевышнего; ведь согласно пророческой мысли человек именно потому, что он был изгнан из Рая, обрел *свободу творить* свою собственную историю, развивать свои человеческие способности и достигать новой *гармонии с самим собой и с природой* как вполне *развитый индивид*, в отличие от *прежней гар-*

*монии*, в которой он еще не выступал в качестве индивида. Поскольку человек стал свободным, он волен идти в том направлении, которое он выбрал, — в направлении жизни или смерти, добра или зла» [6].

В ранних работах К. Маркса мы находим указание на специфику проявления социальной гармонии как сугубо человеческого отношения к освоению действительности. «Животное, — пишет Маркс, — формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты» [9]. Здесь Маркс характеризует сущностно-универсальную способность человека развиваться вне какого-либо заранее установленного масштаба, сохраняя при этом гармонию мер природного и социально-духовного.

Учитывая это суждение, можно действительно согласиться с Достоевским, что красота спасет мир. Медицина, надеюсь, тоже будет голосовать за эстетическую формулу гармонии, ибо верует и убеждена, что «красота — это залог здоровья».

Заключить статью хотел бы словами напутствия людям, с которыми обратился известный русский философ Павел Флоренский [10]: «Надо претворять жизнь в гармонию — всю жизнь, во всех ее проявлениях. Разве не в этом культура? Не в этом человечность и красота?»

Да будет так! Там, где медицина идет по этому маршруту, там ее антропология глубоко философична.

#### Литература

1. *Аристотель*. В 4 т. М.: Мысль, 1975.
2. *Аристотель*. Политика. Изд-во СПб., 1911.
3. *Шестаков В.П.* Эстетические категории: Опыт системного и исторического исследования. М.: Искусство, 1983.
4. *Аристотель*. Об искусстве поэзии. М.: Гослитиздат, 1957.
5. *Ладриер Ж.* Уровни времени / Курьер ЮНЕСКО. Париж; М.: Прогресс, 1991.
6. *Вайман С.Т.* Драматический диалог. М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. *Шелер М.* Положение человека в космосе / Проблема человека в западной философии. М., 1988.
8. *Фромм Э.* Сущность человека, его способность к добру и злу / Это человек: Антология. М.: Высш. шк., 1995.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Об искусстве. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1957.
10. *Сагатовский В.Н.* Философия развивающейся гармонии: философские основы мировоззрения. В 3 ч. СПб.: Изд-во

*Видгоф В.М.*

*Философия развивающей гармонии как принцип оправдания основ медицинской антропологии*

СПб. ун-та, 1997. Т. 1.